

18+ Рита
Вяземская

МЕСТЬ

Смертельный
диагноз!

Рита Вяземская

Месть. Смертельный диагноз!

«Издательские решения»

Вяземская Р.

Месть. Смертельный диагноз! / Р. Вяземская — «Издательские решения»,

— Вы хотите сказать, что в клинике ошиблись? Такое бывает? Врач тяжело вздохнул, оглянулся по сторонам, словно проверяя, не слышит ли кто, и подался вперед.— Я хочу сказать, что вот это МРТ, описание которого здесь лежит, не ваше. Это чужое описание, Анна Сергеевна. Но печать на нем стоит настоящая. Кто, говорите, ваш муж? Стены приемного покоя качнулись. Перепутали? Ошибка? Нет. Врачи такого уровня не ошибаются. Он сам читал МРТ. Он сам заставил меня подписать дарственную...

© Вяземская Р.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Месть. Смертельный диагноз!

Рита Вяземская

© Рита Вяземская, 2026

ISBN 978-5-0070-8917-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Мой муж, хирург с двадцатилетним стажем, сидел напротив меня на нашей идеальной кухне, за дубовым столом, который мы выбирали вместе прошлой весной.

Держал в руках результаты моих анализов и дрожащим, сорванным голосом говорил, что мне осталось жить от силы полгода.

Агрессивная форма.

Неоперабельно.

Я поверила. Поверила каждому его слову. Я начала планировать собственные похороны. Я мысленно выбирала платье, в котором меня положат в гроб. Я переписала на него всё наше имущество, все доли в бизнесе, чтобы избавить его от бесконечной судебной волокиты после моей смерти.

Меня зовут Анна. Мне пятьдесят лет.

В этом возрасте женщины уже редко верят в сказки о принце на белом коне. Мы обрас-таем броней из опыта, насмотренности, каких-то прошлых ошибок.

Но у меня была своя, персональная иллюзия безопасности.

Мой муж Вадим.

Двадцать пять лет брака. Моя каменная стена. Человек с безупречной репутацией, веду-щий хирург, чьи руки в буквальном смысле каждый день спасают людей от смерти.

Вы представляете, что такое быть женой врача от бога?

Это значит жить с абсолютным, въевшимся под кожу ощущением, что с тобой ничего плохого не случится. Он всегда знает, какую таблетку дать, к какому специалисту отвести, как расшифровать кольнувший бок или внезапную мигрень.

Мы вместе поднимались с самых низов. Девяностые, съемные квартиры на окраине, его суточные дежурства за сущие копейки. Я тогда, бросив аспирантуру, открыла первую точку по продаже медицинских расходников. Моталась по складам, договаривалась ругалась с постав-щиками, договаривалась с рэкетирами.

Моя точка со временем выросла в крупную сеть магазинов медтехники.

Я зарабатывала деньги, чтобы он мог спокойно строить карьеру, защищать диссертацию, не думая о том, чем кормить детей и как оплачивать коммуналку.

Дети выросли.

Сын уехал работать в Европу, дочь вышла замуж и переехала в Питер.

Мы остались вдвоем в нашей огромной, светлой квартире с панорамными окнами в цен-тре города.

Жизнь удалась.

Я смотрела на его чуть поседевшие виски, на его уверенные, спокойные движения, и думала: господи, как же мне повезло.

Всё началось около месяца назад. Я стала уставать. Не просто уставать после рабочего дня, а просыпаться с такой вязкой, тяжелой свинцовой усталостью, будто всю ночь разгружала вагоны.

Появилась тошнота.

Вадим стал приносить мне какие-то новые витамины из клиники.

— Анечка, это просто возрастная перестройка организма, плюс твой вечный стресс на работе, — говорил он своим спокойным, бархатным голосом, заботливо наливая воду в стакан. — Попей. Это отличный швейцарский комплекс, мы в клинике сейчас всем vip-пациентам его рекомендуем.

Он сам вскрывал капсулы, сам подавал их мне. Но мне становилось только хуже. Появились головокружения. И тогда он сказал, что нужно сдать кровь. Не в поликлинике у дома, конечно.

— Поедешь в «ЭвоМед», — сказал Вадим за завтраком, намазывая масло на тост, даже не глядя на меня. — У меня там хорошие специалисты, сделают всё по высшему разряду, без очередей. Я сам позвоню, предупрежу.

«ЭвоМед» — это элитная частная клиника на другом конце города. Мраморные полы, кофемашины в коридорах, девочки на ресепшене с идеальными улыбками.

Я приехала, сдала кровь, прошла МРТ, на которое меня буквально за ручку отвела приветливая медсестра. Всё заняло от силы час.

Я уехала в офис, уверенная, что у меня просто упал гемоглобин или шалит щитовидка.

А через три дня Вадим пришел домой раньше обычного.

Я стояла у плиты, резала овощи для салата. Услышала, как щелкнул замок. Шаги в коридоре были какими-то неестественно тяжелыми. Он зашел на кухню, даже не сняв пальто. В руках — плотный белый конверт с логотипом «ЭвоМеда».

— Вадик, ты чего так рано? Что-то случилось на операции? — я обернулась, вытирая руки кухонным полотенцем.

Он смотрел на меня так, будто я уже прозрачная. Будто меня уже нет в этой комнате. Он тяжело опустился на стул. Положил конверт на стол. И закрыл лицо руками.

Я замерла. Сердце пропустило удар, а потом забилось где-то высоко в горле.

— Вадим. Что там?

— Аня... — он поднял на меня красные, полные слез глаза. — Анечка, прости меня. Господи, прости, что я ничего не замечал. Я же врач, я должен был увидеть, должен был настоять на обследовании раньше...

Он вытащил бумаги. Листы дрожали в его пальцах.

— Что там, Вадим? Не тяни!

— Заключение МРТ. И результаты специфических онкомаркеров. Я заставил их сделать биопсию из того материала, что они взяли. По срочному тарифу. Аня... это аденокарцинома поджелудочной железы. Третья стадия. С переходом в четвертую. Метастазы в печень.

— Это ошибка, — мой голос прозвучал чужим, плоским, пластмассовым звуком. — Просто усталость. У меня ничего не болит. У людей рак болит, Вадим!

— Опухоль поджелудочной не болит до самого конца, Аня, — он подошел, обнял меня. Я чувствовала, как сильно бьется его сердце. Как он цепляется за мои плечи. — Она съедает изнутри бесшумно. Мои коллеги перепроверили дважды. Снимки неоспоримы. Печень уже поражена.

Мир не рухнул. Нет. Он просто выцвел. Из него разом исчезли все звуки, кроме монотонного гудения холодильника. Я смотрела на свою руку, на обручальное кольцо, и не могла поверить, что эта рука скоро станет мертвой.

В тот вечер мы сидели на полу в гостиной, пили коньяк, и он рассказывал мне, что мы будем бороться. Что он найдет лучшие таргетные препараты. Что мы поедем в клинику в Израиль, он уже поднял все свои связи. Но я видела в его глазах приговор. Он хирург. Он знает статистику.

Следующая неделя прошла как в густом тумане. Я перестала ездить в офис. Я просто сидела в кресле и смотрела в окно на серый осенний город. Вадим взял отпуск за свой счет. Он готовил мне обеды, сидел рядом, гладил по волосам. И начал приносить препараты. Какие-то сильные обезболивающие и ампулы, которые он колол мне сам.

— Это экспериментальная поддерживающая терапия, Анюта. Она замедлит деление клеток, пока мы ждем квоту в клинику, — шептал он, протирая мою кожу спиртовой салфеткой.

От этих уколов я постоянно спала, а когда просыпалась, чувствовала себя еще слабее. Я не могла даже дойти до ванной без его помощи.

Именно тогда зашел разговор о бумагах.

Это было поздно вечером. Я лежала под пледом, глядя в телевизор, где шли какие-то глупые новости. Вадим сидел в ногах.

— Аня, — начал он тихо, осторожно поглаживая мою лодыжку. — Я ненавижу себя за то, что говорю об этом сейчас. Я хочу откусить себе язык. Но я должен думать о твоём покое. Если... если лечение в Израиле затянется на долгие месяцы, или если случится худшее... у нас будут огромные проблемы.

— Какие проблемы, Вадик? — сил спорить у меня не было вообще.

Мне было всё равно. Какое значение имеет сеть магазинов медтехники, если я не доживу до весны?

— Судебные, милая. Твои двоюродные братья, моя сестра от первого брака отца. Ты знаешь, какие стервятники слетаются на наследство или на долю в бизнесе, если владелец недееспособен. Начнутся суды. Тебя будут дергать, требовать экспертизы, мотать нервы. Они разорвут твою компанию на куски, пока ты будешь лежать в палате.

— И что ты предлагаешь?

— Давай переформируем компанию на меня. Через дарственную. Всё будет в одних руках. Я смогу оперативно продать часть активов, чтобы оплатить зарубежные клиники, не дожидаясь полугодового срока вступления в наследство, если вдруг... Ну ты понимаешь.

Логично? Для умирающей, одурманенной препаратами женщины, которая безгранично верит мужу — более чем. Дарственная — это гениально. Ее практически невозможно оспорить. Она вступает в силу немедленно.

На следующий день он привез нотариуса прямо к нам домой. Мужчина в строгом сером костюме, Илья Валерьевич, быстро разложил бумаги на кухонном столе. Я подписывала листы, даже не вчитываясь в мелкий шрифт. Загородный дом. Две квартиры, купленные под сдачу. Семьдесят процентов акций моей компании. Все мои банковские счета.

Вадим стоял рядом, держал стакан с водой, и в его глазах плескалась такая бездонная скорбь, что мне хотелось извиниться перед ним. Извиниться за то, что я умираю и доставляю ему столько хлопот.

Печать. Роспись. Щелчок замка дипломата нотариуса. Всё. Юридически я стала никем. Больной женщиной без гроша за душой, живущей из милости в квартире своего мужа.

Прошло три дня.

Вадим уехал на какую-то важную медицинскую конференцию в другой город. Сказал, что это критически нужно для получения связей по экспериментальному лечению. Я осталась одна.

В холодильнике закончилась минеральная вода без газа, которую мне нужно было пить литрами из-за постоянной сухости во рту. Я решила спуститься в супермаркет на первом этаже нашего жилого комплекса.

Дойти до лифта, спуститься, купить воду, подняться обратно. Пустяк.

В магазине было невыносимо ярко и шумно. Я взяла пластиковую бутылку, подошла к кассе. И вдруг мир поплыл. Перед глазами вспыхнули черные мушки. Писк сканера на кассе слился в один пронзительный, сверлящий визг. Я почувствовала, как подкашиваются ноги, как холодный кафельный пол бьет меня по коленям, а потом по щеке. Темнота.

Очнулась я от резкого запаха нашатыря. Надо мной склонился врач скорой помощи.

— Давление рухнуло, шестьдесят на сорок. Тахикардия жуткая, — коротко бросил он фельдшеру. — Грузим.

— Не надо, — прошептала я непослушными, ватными губами. — Я онкобольная. Четвертая стадия, поджелудочная. Мне просто нужно домой. Отпустите.

Врач нахмурился, посмотрел на меня как-то очень странно, цепко.

— Тем более грузим. У вас сердце сейчас выскочит. В больницу, там разберутся.

Меня привезли в обычную городскую клиническую больницу. Самую обычную, где в коридорах пахнет хлоркой, и больничной кашей. Положили на каталку прямо в коридоре приемного покоя, потому что мест не было. Взяли кровь из вены — стандартная процедура для всех поступающих. Я лежала, смотрела на облупившийся потолок и думала о том, что вот он, конец. Я даже умереть в красивой, чистой палате не смогу.

Через пару часов ко мне подошел дежурный врач. Молодой парень, лет тридцати, с глубокими тенями под глазами от бесконечных смен. В руках он держал распечатку моих анализов из местной лаборатории и те самые красивые выписки из «ЭвоМеда», которые я по настоянию Вадима всегда носила в сумке.

— Анна Сергеевна? — врач почесал переносицу, сверяя данные на браслете.

— Да. Доктор, отпустите меня домой. Я знаю свой диагноз. Мне не нужны ваши капельницы.

Он придвинул шаткий пластиковый стул и сел рядом с каталкой. Посмотрел на меня. Потом на бумаги.

— Анна Сергеевна, а кто вам ставил этот диагноз?

— Мой муж. Он ведущий хирург в первой областной. А обследование делали в «ЭвоМеде».

Парень хмыкнул. Достал из нагрудного кармана ручку и постучал ею по красивому бланку с печатью частной клиники.

— Видите ли, в чем дело. Вы упали в обморок прямо на кассе, потому что у вас в крови лошадиная доза транквилизаторов и бета-блокаторов. Вы вообще что принимаете?

Я назвала препараты, которые колол мне Вадим. Брови молодого врача поползли вверх, скрываясь под медицинской шапочкой.

— Зачем? — он искренне удивился. — У вас нет ни малейших показаний к этим препаратам. Они искусственно, кувалдой роняют вам давление до критических отметок. Вы потому и ходить не можете. Но самое интересное даже не это.

Он положил поверх выписки из частной клиники узкий белый чек с результатами сегодняшней крови.

— Я посмотрел вашу биохимию. Общий анализ. И, на всякий случай, попросил лабораторию прогнать экспресс-тест на базовые онкомаркеры, раз уж вы так настаивали на четвертой стадии и кричали об этом в скорой. Анна Сергеевна, у вас кровь здоровой, крепкой женщины. У вас идеальные показатели печени. При тех метастазах, которые описаны вот в этой цветастой бумажке из «ЭвоМеда», у вас билирубин был бы в космосе, а вы бы уже желтая были, как лимон. А вы не желтая. Вы просто обдолбанная препаратами. Простите.

Я смотрела на него и не понимала ни слова. Мой мозг отказывался обрабатывать эту информацию.

— Вы хотите сказать, что в клинике ошиблись? Перепутали пробирки? Такое бывает?

Врач тяжело вздохнул, оглянулся по сторонам, словно проверяя, не слышит ли кто из начальства, и подался вперед.

— Я хочу сказать, что вот это МРТ, описание которого здесь лежит, не ваше. Физиологически не ваше. Тут в описании указана врожденная аномалия желчного пузыря. Резкий изгиб. А на нашем портативном УЗИ, которое вам сделали час назад, желчный абсолютно нормальный. Ровный. Это чужое описание, Анна Сергеевна. И печать на нем стоит настоящая. Кто, говорите, ваш муж?

Стены приемного покоя качнулись. Воздух вдруг стал густым, тяжелым.

Перепутали? Ошибка?

Нет. Врачи такого уровня не ошибаются в таких вещах. Вадим сам возил анализы. Он сам читал МРТ. Он сам заставил меня подписать дарственную.

Пазл сложился в моей голове.

Он не спасал меня. Он меня убивал. Юридически он уже меня убил, забрав всё, что я строила двадцать лет. А физически — он просто пичкал меня таблетками, которые вызывали симптомы жесточайшего угасания, чтобы я сама поверила в свою смерть и тихо угасла от сердечного приступа, вызванного передозировкой бета-блокаторов. Идеальное преступление. Никакого криминала. Умерла от горя и остановки сердца на фоне страшного диагноза. Изумительно. Просто браво.

Вместо горя и отчаяния, которые душили меня последнюю неделю, внутри вдруг образовалась звенящая, ледяная пустота. И в этой пустоте начало рождаться нечто совершенно новое. Холодное, рациональное, кристально чистое бешенство.

— Я могу идти? — абсолютно спокойно спросила я, садясь на каталке и спуская ноги в тапочках на пол.

Врач удивленно моргнул, явно ожидая истерики.

— Я бы настоятельно рекомендовал вам прокапаться, вывести токсины...

— Доктор, мне нужно идти. Прямо сейчас. Напишите отказ от госпитализации.

Через час я сидела в своей машине на парковке у больницы. По лобовому стеклу хлестал мелкий, колючий осенний дождь. Я не заводила мотор. В салоне было зябко. На пассажирском сиденье лежала папка с моими медицинскими документами. Я вытащила красивый бланк из «ЭвоМед». Мой смертный приговор. В самом низу, под страшным текстом о метастазах, стояла размашистая подпись и расшифровка. Я раньше никогда не вчитывалась в фамилию. Зачем? Вадим сказал, что всё проверил лично.

Главный врач клиники «ЭвоМед»: Вольская Маргарита Эдуардовна.

В этот момент тишину салона разорвала трель мобильного телефона. На экране высветилась фотография Вадима. Он улыбался. Мой заботливый, идеальный муж. Мой палач.

Я смотрела на экран несколько секунд. Сделала глубокий вдох, стирая с лица любое выражение, любую эмоцию, и нажала кнопку ответа.

— Да, милый? — мой голос прозвучал мягко, чуть слабо, с легкой одышкой. В точности так, как должна говорить обреченная, умирающая женщина.

— Анюта, девочка моя, как ты там? — в его голосе было столько патоки, столько наигранной тревоги, что меня едва не стошнило прямо на руль. — Я уже выезжаю с конференции. Мчусь к тебе. Купил твои любимые заварные эклеры. Ты принимала лекарства? Тебе не хуже?

Я провела ногтем по фамилии «Вольская» на поддельном бланке. Губы сами растянулись в мертвую, ледяную улыбку.

— Мне уже намного лучше, дорогой. Я бы даже сказала — я чувствую себя заново рожденной. Приезжай. Я буду очень, очень тебя ждать.

Глава 2

Я стояла перед дверью собственной квартиры и до боли в суставах сжимала связку ключей.

Много лет эта тяжелая, обитая дубом дверь была для меня границей безопасности.

За ней оставались проблемы с поставщиками, налоговые проверки, кризисы, дефолты и предательства партнеров.

За ней меня ждал дом. Моя крепость. Моя семья.

Сейчас я смотрела на замочную скважину, и меня физически мутило. Я знала, что там, за этой дверью, ждёт человек, который методично, день за днем, стирает меня с лица земли.

И мне нужно было вставить ключ, провернуть его два раза, улыбнуться и перешагнуть порог.

Сыграть лучшую роль в своей жизни. Роль покорной, медленно умирающей овцы, которая благодарна мяснику за каждый прожитый день.

Я закрыла глаза. Вдохнула холодный воздух подъезда. Вспомнила лицо молодого врача в приемном покое и его слова: «У вас кровь здоровой, крепкой женщины».

Я не умру. По крайней мере, не так.

Щелчок замка. Я открыла дверь и сразу услышала шаги. Вадим вышел в прихожую. На нем был его любимый домашний кардиган, который я подарила ему на прошлый Новый год. Он выглядел уставшим, домашним, родным.

— Аня? — его брови взлетели вверх. Он быстро подошел, взял из моих рук сумочку, поддержал под локоть. — Ты где была? Я приехал, а тебя нет. Звонил, ты трубку сбрасывала. Я чуть с ума не сошел! Думал, опять приступ, звонил в клинику...

Сколько искренней, неподдельной тревоги в голосе. Какая блестящая игра. Если бы хирургия не приносила ему таких денег, он мог бы брать Оскары.

— Я... я просто спустилась в аптеку, Вадик, — мой голос дрогнул, и это даже не пришлось играть. Меня трясло от отвращения, когда его пальцы легли мне на плечи. — Захотелось выйти. Воздухом подышать. А телефон, видимо, на беззвучном остался. Прости, милый. Я так устала.

— Ну кто же так делает, девочка моя, — он ласково поцеловал меня в висок. От него пахло дорогим парфюмом и еле уловимым запахом больницы. Этим запахом я дышала всю нашу совместную жизнь. — Я же купил твои любимые эклеры. Пойдем на кухню. Тебе нужно поесть. Ты совсем прозрачная стала.

Он привел меня на кухню, усадил за стол. Поставил передо мной коробку из дорогой кондитерской. Заботливо налил чай. Я смотрела на его руки. Красивые, сильные руки хирурга с длинными пальцами. Этими руками он спасал людей. И этими же руками он вскрывал ампулу с препаратом, который убивал мое сердце.

— Ешь, Аня. Тебе нужны углеводы, — он сел напротив, подперев подбородок рукой, и смотрел на меня с нежной грустью.

Вечером мы перешли в спальню. Вадим принес стакан воды и небольшую пластиковую таблетницу, в которой лежали вечерние препараты. Две белые капсулы и одна розовая. Те самые, от которых я спала как убитая, а утром не могла поднять голову от подушки.

— Твой вечерний коктейль, родная, — он сел на край кровати.

Я взяла таблетки. Положила их в рот. Взяла стакан с водой. Вадим смотрел прямо на меня. Не отрывая взгляда. Он всегда контролировал этот процесс.

Я набрала в рот воду, но таблетки загнала языком глубоко за щеку. Глотнула только воду.

— Умничка, — улыбнулся муж. — Ложись. Я сейчас в душ и приду.

Он встал и вышел из спальни. Как только дверь в ванную закрылась и зашумела вода, я пулей вылетела из-под одеяла, подбежала к туалетному столику и выплюнула размокшие капсулы в бумажную салфетку. Во рту осталась дикая, химическая горечь.

Я засунула скомканную салфетку глубоко в карман своего домашнего халата, висевшего на стуле, прополоскала рот остатками воды из стакана и юркнула обратно в постель. Сердце колотилось так, что отдавало в барабанные перепонки.

Через десять минут он лег рядом. Обнял меня со спины. Прижал к себе. Я чувствовала тепло его тела. Раньше это было самым безопасным местом на планете. Теперь я лежала, замерев, боясь пошевелиться, в одной постели с человеком, который хладнокровно ждал моей смерти. Он уснул быстро. Спал крепко, ровно дыша. Говорят, у людей с чистой совестью здоровый сон. Но, видимо, у абсолютных психопатов он еще крепче.

Я не сомкнула глаз до утра. Я думала.

Идти в полицию прямо сейчас — глупость несусветная. Что я им скажу? Мой муж-врач давал мне таблетки, от которых мне было плохо, а я добровольно переписала на него всё имущество? Да меня поднимут на смех. Дарственная оформлена по всем правилам у нотариуса, в здравом уме. МРТ и анализы с печатью элитной клиники. Вадим просто скажет, что я сошла с ума на фоне стресса, вызовет психиатричку, и меня запрут в желтом доме. Там он меня точно добьет. Быстро и законно.

Мне нужны были доказательства. Неоспоримые улики.

Утром Вадим уехал в клинику.

— Спи, родная, я вечером постараюсь вырваться пораньше, — он поцеловал меня в лоб и закрыл за собой дверь.

Я подождала пять минут. Подошла к окну и проследила, как его черный кроссовер выехал с парковки. Затем я бросилась к шкафу, достала старую записную книжку, которую не открывала лет десять. Нашла букву «В».

Виктор.

Витя был бывшим опером. Мы познакомились в девяносто восьмом, когда мою первую точку с медтехникой попытались подмять под себя местные бандиты.

Витя тогда помог.

Резкий, циничный, прокуренный насквозь мужик, который не верил ни во что, кроме фактов.

Потом его выперли из органов за какой-то конфликт с начальством, и он открыл свое частное детективное агентство.

Мы не виделись вечность, и я надеялась, что номер он не поменял.

Гудки шли долго. Наконец, в трубке раздался хриплый, простуженный голос:

— Слушаю.

— Витя? Это Анна. Анна из «Мед-Гаранта». Помнишь такую?

Повисла пауза. Потом послышался щелчок зажигалки.

— Анька... Ничего себе. Жива еще курилка. Что стряслось? У тебя голос такой, будто ты труп расчленяешь.

— Хуже, Витя. Труп пытаются сделать из меня. Мне нужна твоя помощь. Срочно. Не по телефону.

Мы договорились встретиться через два часа.

Я не могла просто так выйти из дома — консьерж внизу всегда докладывал Вадиму, если я куда-то уезжала. Муж всем объяснил, что я тяжело больна и за мной нужен глаз да глаз.

Я пошла в ванную. Взяла самую светлую пудру, какую только нашла, щедро нанесла на лицо. Растушевала под глазами сероватые тени. Надела мешковатый спортивный костюм. В зеркале отразилась изможденная, больная женщина. Идеально.

Я спустилась вниз.

— Анна Сергеевна! — тут же подскочил консьерж Петр Иванович. — Вам же нельзя вставать, Вадим Николаевич говорил...

— Петр Иванович, — я слабо улыбнулась, опираясь на стойку. — Я с ума сойду в четырех стенах. Я пройду по парку вокруг дома. Полчаса. Мне доктор разрешил. Только Вадиму не звоните, он будет ругаться, что я без шапки вышла.

Старик сочувственно закивал.

Виктор ждал меня через квартал, в своем старом, выдавшем виды Ленд Крузере. В салоне пахло дешевым табаком, кожей и каким-то мужским одеколоном.

Я села на пассажирское сиденье и стянула капюшон.

Витя повернул ко мне лицо. Он сильно сдал. Поседел, обрюзг, под глазами залегли тяжелые мешки. Но взгляд остался прежним — колючим, цепким, сканирующим.

— Ну, рассказывай, — буркнул он, не здороваясь.

Я рассказала всё. Вывалила всё как есть. Про усталость, про анализы, про фальшивый диагноз, про дарственную у нотариуса, про обморок в супермаркете и молодого врача в приемном покое. Я говорила ровно, без слез. Плакать было некогда.

Виктор слушал, не перебивая. Только курил, выпуская дым в приоткрытое окно, и барабанил пальцами по рулю.

Когда я закончила, повисла тяжелая тишина.

— Вадик, значит, — задумчиво протянул Виктор. — Интеллигент хренов. Хирург от бога. Я его всегда недолюбливал, Ань. Глаза у него пустые. Как у снулой рыбы.

Он раздавил окурок в пепельнице.

— Ментов пока не подключаем. Это сто процентов. У него связи в минздраве, у этой бабы его, Вольской, клиника для богатеньких. У них там круговая порука. Менты придут, те им конверт сунут, и всё замнут. А тебя, дорогая моя, отправят в клинику неврозов. Мол, тетенька на фоне климакса и стресса головой поехала, придумывает заговоры.

— Я знаю, Вить. Поэтому я здесь. Что мне делать?

— Пока — возвращаться домой и играть в умирающего лебедя. Никаких резких движений. Ты вести себя как обычно, улыбаться ему. Сможешь?

— Смогу, — жестко сказала я. — Мне нужно знать две вещи. Первое: что именно за дрянь он мне дает в таблетках. Второе: мне нужна вся подноготная на клинику «ЭвоМед» и на Маргариту Вольскую. Их долги, их слабые места, кто там у них подписывает левые бумажки.

Я достала из кармана пакетик с вечерними капсулами, которые вчера выплюнула в салфетку.

— Вот. Передай это в независимую лабораторию. На токсикологию. Пусть разберут на молекулы. Я хочу знать, чем меня убивают.

Виктор аккуратно взял пакетик двумя пальцами, спрятал во внутренний карман куртки.

— Сделаю. Анька, слушай меня внимательно. Ты сейчас ходишь по охренительно тонкому льду. Если он поймет, что ты в курсе, он не будет ждать, пока таблетки сработают. Упадешь с лестницы, поперхнешься, вариантов масса. Врач всегда найдет способ симитировать несчастный случай. Не провоцируй его.

— Не спровоцирую. Жду новостей.

Я вернулась домой. Стерла серые тени, легла в кровать и стала ждать вечера.

Вадим вернулся около восьми. Был в прекрасном настроении, напевал что-то себе под нос, снимая обувь в прихожей.

— Как моя девочка? — он зашел в спальню, поцеловал меня в щеку. — Я сегодня тяжелую операцию провел. Устал как собака. Пойду в душ, потом поужинаем, я заказал доставку из твоего любимого итальянского ресторана.

Он бросил свой тяжелый кожаный портфель на кресло в спальне, снял пиджак и ушел в ванную. Зашумела вода.

Я лежала и смотрела на этот портфель. Обычно я никогда не трогала его вещи. У нас было абсолютное доверие. Его документы, мои документы — мы уважали личное пространство друг друга. Но моё доверие закончилось.

Я откинула одеяло, бесшумно ступая босыми ногами по паркету, подошла к креслу. Щелкнула замками. Открыла портфель.

Внутри какие-то медицинские журналы, пара папок с историями болезней пациентов, блокнот. Я запустила руку глубже, в боковой карман. Пальцы нащупали гладкую, глянцевую поверхность.

Я вытащила плотную папку. Открыла ее.

Это были не медицинские документы. Это были брошюры элитного агентства недвижимости. На английском и русском языках.

«Коста-Бланка. Эксклюзивные виллы с видом на море».

«Тоскана. Приватные усадьбы для искушенных ценителей».

Я листала глянцевые страницы, и у меня перехватывало дыхание. Фотографии огромных бассейнов, террас, мраморных полов. К одной из брошюр, вилла в Испании, Марбелья, стоимость 2,5 миллиона евро, был прикреплен желтый стикер.

На нем аккуратным, женским почерком с сильным наклоном было написано синей ручкой:

«Вадик, этот вариант идеален. Бассейн скрыт от соседей, никто не будет мешать. И до аэропорта 20 минут. Надо брать, пока не ушел. Люблю, целую, М.»

Два с половиной миллиона евро. Это та сумма, которую можно выручить, если экстренно продать контрольный пакет акций моей компании. Моей сети, которую я строила по кирпичику, недосыпая, мотаясь по командировкам, в то время как он писал свои диссертации в теплой библиотеке.

Он не просто забрал мой бизнес. Он уже мысленно его потратил. Он уже выбирает плитку для бассейна, в котором будет плавать со своей любовницей, пока я буду гнить на городском кладбище под аккуратным памятником, который он, несомненно, оплатит. Как безутешный вдовец.

В ванной резко выключилась вода.

Я вздрогнула, быстро сунула глянцевую папку обратно в боковой карман портфеля, защелкнула металлические замки и метнулась к кровати.

Я успела накрыться пледом ровно в тот момент, когда щелкнула задвижка, и дверь ванной открылась.

Вадим вышел, обмотанный полотенцем. От него шел пар. Он вытирал влажные волосы и улыбался.

— Аня, ты чего не спишь? Тебе же нужно отдыхать перед ужином.

Я посмотрела на него. На его подтянутую фигуру, на его довольное лицо. Внутри меня не осталось ни страха, ни боли. Только холодный, расчетливый фокус снайпера, который поймал цель в перекрестье прицела.

— Жду тебя, милый, — сказала я мягким, слабым голосом. — Мне без тебя так холодно.

Он подошел, сел на край кровати и взял мою руку. А я смотрела на него и думала о том, что эта испанская вилла станет вашей могилой. Я загоню вас в такой угол, из которого вы будете умолять о тюрьме, как о спасении.

Глава 3

Я смотрела на глянцевую фотографию, лежащую на поцарапанном столе, и чувствовала, как к горлу подкатывает едкая, желчная тошнота.

На снимке была женщина. Ухоженная, с идеальной укладкой, в кашемировом пальто верблюжьего цвета. Она выходила из дорогого ресторана, небрежно накидывая на плечо ремешок сумки от Шанель. А рядом с ней со счастливой влюбленной улыбкой был мой муж. Она улыбалась ему. Уверенно, сыто, спокойно. А он нежно обнимал её за талию и прижимал к себе.

Это была Маргарита Вольская. Главный врач элитной клиники «ЭвоМед». Женщина, которая спала с моим мужем. Женщина, которая подделала мои медицинские анализы и нарисовала мне четвертую стадию рака, чтобы помочь свести меня в могилу.

— Ну вот она, твоя принцесса, — хрипло произнес Виктор, выпуская струю сизого дыма в открытую форточку своего кабинета.

Мы сидели в его конторе — крошечной, прокуренной комнатке на задворках старого промрайона.

Здесь пахло застарелым табаком, растворимым кофе и пыльными папками.

Резкий контраст с мраморными полами клиники, где мне вынесли смертный приговор.

Я приехала сюда на такси, снова натянув мешковатую куртку и надвинув кепку на самые глаза. Вадим думал, что я сплю дома, одурманенная утренней порцией таблеток, которые я благополучно спустила в унитаз.

Я взяла фотографию в руки. Внимательно всмотрелась в лицо соперницы. Ей было за сорок. Хищные, чуть подколотые скулы, идеальный макияж, взгляд человека, привыкшего отдавать приказы.

— Рассказывай, Витя. Всё, что нарыл.

Детектив тяжело вздохнул, сел напротив меня и придвинул к себе пухлую картонную папку.

— Маргарита Эдуардовна Вольская. Сорок три года. В разводе уже лет десять, детей нет. Баба умная, хваткая, пробивная. Три года назад она провернула масштабный проект — открыла этот самый «ЭвоМед». Замахнулась на премиум-сегмент. Вип-палаты, аппаратура последнего поколения, врачи с именами. Твой благоверный, кстати, туда часто навещался консультировать богатых буратин в обход кассы. Там они, видимо, и спелись.

— Это я уже поняла. Дальше.

Виктор постучал по папке узловатым пальцем с пожелтевшим от никотина ногтем.

— А дальше начинается самое интересное, Ань. Красивый фасад, мрамор и кофемашины — это всё пыль в глаза. Клиника Вольской — банкрот. Причем банкрот с огромной, черной дырой в бюджете.

Я удивленно подняла глаза.

— Как банкрот? Там же цены космические. Очередь на месяц вперед.

— Очередь есть. А вот грамотного финансового управления нет, — усмехнулся Виктор. — Она набрала кредитов на оборудование. Лизинг на томографы, на лабораторию. Плюс кредиты под залог самого здания. Но год назад у нее случился конфликт с крупным инвестором. Тот вывел свои активы. И всё посыпалось. На сегодня у нее просрочки по лизингу почти на миллион евро. Кредиторы рвут ее на части. По моим каналам шепнули, что на нее уже готовится заявление в ОБЭП за мошенничество и уклонение от уплаты налогов. Если она не закроет дыру в ближайшие пару месяцев — клинику заберут за долги, а сама Маргарита Эдуардовна поедет шить рукавицы в женскую колонию лет на пять-семь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.